
Нора Кроликова
Минус первая любовь

Нора Кроликова

Минус первая любовь

https://litres.ru/74745358
SelfPub; 2026

Аннотация

"Минус первая любовь" - название, в котором каждый найдет в нем свой «квант» смысла.

Для кого-то это будет география (подземелье), для кого-то — математика чувств (то, что меньше единицы, но уже существует), а для кого-то — ностальгия по тому времени, когда всё было «минус первым»: первая настоящая взрослость, первый серьезный выбор..

Может быть это метафора. «Минус» — как отмена прошлого опыта. Как шаг назад, чтобы потом шагнуть вперёд.

А может быть...

Пещера — это минус первый этаж. Вниз. Под землю. Туда, где нет света, нет связи с поверхностью, где ты полностью зависишь от того, кто рядом.

И «минус первая любовь» — это любовь, которая родилась не в романтике, а в темноте и глине Орешной.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Нора Кроликова
Минус первая любовь

Глава 1

Все персонажи и события, описанные в данном произведении, являются плодом художественного вымысла автора. Если вы вдруг узнали в ком-то из них себя, своего друга, соседа, родственника, мужа, подругу или коллегу — это чистая случайность (или у вас слишком богатое воображение). Любые совпадения с реальными людьми, местами или событиями носят случайный характер и не преследуют цели кого-либо задеть, опорочить или каким-либо образом связать с содержанием книги. Автор не несёт ответственности за внезапные приступы узнавания и сопутствующие им душевные волнения.

— Вот тебе белый конь! А за ним, глядишь, и настоящий принц подтянется! — Люська задорно подмигнула и протянула мне маленькую, приятно холодную фигурку.

На моей ладони оказалась изящный белый шахматный конь, выточенный из гладкой кости.

В Люськиной крошечной квартирке вовсю кипела генеральная уборка. Точнее, это было масштабное укрощение хаоса: хозяйка увлеченно наводила порядок в своих альпи-

нистских сокровищах. Стены комнаты постепенно скрывались под аккуратно развешанными мотками прочных веревок, блестящими карабинами, разноцветными рюкзаками и прочей походной снарягой, которая пахла кострами и пыльными дорогами.

Периодически Люська натыкалась на какую-нибудь забытую мелочь в недрах своих бездонных рюкзаков. Судьба этих вещей была предопределена: они либо безжалостно отправлялись в мусорное ведро, либо, как в моем случае, обретали новую жизнь в качестве подарка.

Но Люська не умела отдавать вещи просто так. Каждый такой пустяк она вручала с глубоким смыслом и целым ворохом особенных, только ей понятных слов. Она умела находить такие фразы, которые мгновенно превращали обычную безделушку в настоящий талисман.

И вот ты стоишь, сжимая в руке этот костяной кусочек чужой истории, и кожей ощущаешь его внезапную ценность и значимость. Ты уже точно знаешь: эта вещь останется с тобой навсегда, и ты никогда её не выбросишь. Во-первых, потому что это подарок от Люськи — человека, чьим теплом невозможно пренебречь. А во-вторых, она умела так тонко и прочно привязать тебя к этому подарку своими словами, что он становился частью твоей собственной души.

Позже, сквозь годы и водоворот событий, я постоянно натыкалась на этого костяного коня. Каждый раз, меняя старую сумку на новую, я бережно перекладывала его на самое

дно, словно какой-то тайный, оберегающий меня талисман. Слова Люськи работали безотказно.

Покончив со снаряжением, подруга переключилась на чисто женские заботы и принялась придирчиво выбирать наряд на вечер. За окном стояла глубокая, прохладная осень. Близился День Комсомола, который в этом году совпадал с большим юбилеем нашего родного турклуба «Викинг».

Конец октября всегда был для клуба особенным временем. Именно к этим датам обычно возвращались со службы наши парни-турклубовцы, отдавшие долг Родине. Естественно, женская половина «Викинга» задолго до праздника замирала в предвкушении и готовилась к вечеру с особой, маниакальной тщательностью.

Но в этот раз привычный предпраздничный переполох подогревался огненной новостью: Древ разводится.

Всего год назад его призвали в армию. Молодая супруга не дождалась. Древ вернулся со службы и прямо с порога наткнулся на уже поданное заявление о разводе. Чтобы хоть как-то заглушить эту внезапную душевную боль и перевести дух, он приехал к старым проверенным друзьям в Дивногорск. А тут — такое совпадение — юбилей клуба.

Новость о его одиночестве мгновенно превратила Древа в самого завидного и желанного жениха для доброй половины наших девчонок. Он всегда был «альфой», настоящей скалой. Но его мужская сила не имела ничего общего с дешевыми эффектами: он не орал, не набивал вызывающих тату-

ировок и никогда не пускал пыль в глаза ради дешевого авторитета.

Его магнетизм для женщин крылся в тотальном, почти осязаемом спокойствии. Древ был как вековой фундамент. Из тех редких мужчин, про которых точно знаешь: даже если весь мир вокруг начнет рушиться и уходить из-под ног, он и бровью не поведет. Он просто, молча, возьмет тебя за руку и уверенно выведет из любого ада. Его «альфовость» и мужественность граничили с абсолютной, гранитной непоколебимостью. Он не завоевывал тебя штурмом, он просто становится твоим воздухом.

Мои девчонки, не теряя времени, уже вовсю примеряли на себя роль охотниц. Древ в их разговорах превратился в главный «трофей» вечера, и каждая изо всех сил продумывала стратегию: как изящнее обратить на себя его внимание. Результатом этих стратегических сессий стал грандиозный кондитерский план. Было решено сообразить аж три торта! По задумке, их нужно было эффектно внести в самый торжественный момент вечера, с горящими свечами, чтобы наш бессменный руководитель Тимоха торжественно задул их под аплодисменты членов нашего клуба.

Время поджимало, и я все чаще поторапливала Люську. Задача эта была не из легких. Подруга была истинной спортсменкой, пацанкой до мозга костей, и весь ее гардероб состоял из бесконечных джинсов и рубашек — ну, или джинсовых рубашек. Никаких девичьих платьев или летя-

щих юбок там не водилось в принципе.

Люськина квартирка, как и школа, в которой я тогда работала, находилась на самой Набережной. Нам же предстояло подняться на верхнюю застройку Дивногорска, к нашей второй подруге Вике. По пути нужно было решить квест: зайти в магазин и купить три набора готовых бисквитных коржей для тортов «быстрого реагирования». Шел двухтысячный год. Народ тогда еще не был избалован изобилием кондитерских изысков, поэтому даже к таким собранным на скорую руку десертам со сгущенкой относились с искренним уважением и аппетитом.

Пока я нервно поглядывала на часы, Люська устраивала дефиле. Она прикладывала к себе то одну рубашку, то другую, крутилась перед зеркалом и требовала моей экспертной оценки. Я честно включалась в процесс: что-то одобряла, что-то категорически браковала.

Удивительно, но внутри меня не было ни капли предпраздничного трепета или волнения. Подруги как-то незаметно, но очень прочно внушили мне мысль, что Древа могут заинтересовать только такие, как они — яркие, спортивные, активные красавицы с походным бэкграундом. Не могу сказать, что это знание меня как-то ранило или расстроило. Пожалуй, гораздо тяжелее и больнее было в свое время выслушивать от самых близких людей — мамы и бабушки — их жестокий вердикт о том, что я, мягко говоря, «не красавица». К чужому мнению на этот счет у меня уже выработ-

тался стойкий иммунитет.

Главного героя, заставившего моих девчонок так отчаянно суетиться, по-человечески, конечно, было жаль. Предательство — штука паршивая. Но поскольку лично и близко я с ним знакома не была, то и сочувствие мое оставалось каким-то… картонным, ненастоящим, словно я сопереживала персонажу из книжки.

Мысленно я даже начала делать ставки, наблюдая за подругами. Весы в моей голове склонялись то в одну, то в другую сторону: перевес Люськи или Вики случался то после удачной примерки наряда и милого кривляния перед зеркалом, то после какого-нибудь очередного «умного и остроумного» выпада в адрес соперницы.

Я стояла посреди этого предпраздничного хаоса, сжимая в кармане подаренного белого костяного коня, и смотрела на девичью суету абсолютно со стороны. Для меня это было захватывающее спортивное состязание, где мне самой была отведена самая безопасная роль — беспристрастного судьи или просто зрителя на трибуне. Кто же знал тогда, как повернется эта партия...

Выработанная годами привычка пешком штурмовать крутые подъемы нашего скалистого Дивногорска сделала свое дело: мы с Люськой без особого труда и довольно быстро добрались до верхней застройки. По дороге мы успели забежать в магазин, лихо перевыполнив план: купили не только бисквитные коржи, но и несколько банок сгущенки для кре-

ма. Весь оставшийся путь до Викиного дома прошел в бурном стратегическом обсуждении — где в субботний вечер раздобыть праздничные свечи для тортов.

У Вики нас уже вовсю поджидала Ж. — четвертая участница нашей девичьей компании. Пожалуй, изо всех нас она была самой юморной и смешливой. Невысокая, с задорной короткой мальчишеской стрижкой, Ж. обладала редким даром самоиронии. Она постоянно с уморительной серьезностью пародировала сама себя, выдавая коронное: «Фганцуженки — дугы кагтавые!». Этот легкий, едва заметный дефект речи совершенно её не портил. Напротив, он придавал ей ни на что не похожий шарм и какую-то изысканную, истинно французскую пикантность.

Вчетвером мы буквально оккупировали крошечную, тесную хрущевскую кухоньку квартиры родителей Вики. Работа закипела. Мы мазали, ровняли и украшали эти коржи с таким неистовством, словно от вкуса крема зависело как минимум будущее планеты.

В этом, наверное, и кроется вся соль молодости — искренне, до дрожи верить, что обычный торт способен круто изменить твою судьбу. Это и есть тот самый неделимый квант юности.

Происходящее на кухне давно перестало быть просто кулинарией. Это было чистой воды минус первое язычество, ритуальная магия: послушные коржи, тягучая сладкая сгущенка, дробленые орехи… Вика, на правах хозяйки кварти-

ры и как самая опытная среди нас кулинарка, взяла на себя роль верховной жрицы и вовсю командовала процессом. Впрочем, никто из нас даже не думал оспаривать её авторитет или конкурировать в кондитерском мастерстве. Мы с удовольствием подчинялись. В общем и целом, это был классический, каноничный девичник перед решающим боем.

Пока Ж. уморительно пародировала картавых француженок, а Люська с сосредоточенным видом мазала очередной корж, у меня не было ни малейшего предчувствия. Никакого ощущения, что прямо сейчас на этой тесной кухне разворачивается генеральная репетиция чего-то огромного и невероятно важного. Чего-то, что случится уже через пару часов.

Я и подумать не могла, что именно эти минуты буду вспоминать с особой, щемящей нежностью и трепетом сквозь долгие годы. И уж тем более я не знала, что точно такой же сюжет повторится со мной много лет спустя. Повторится, чтобы жестко поставить меня перед выбором. Совсем нелегким, судьбоносным выбором.

Но тогда мир сузился до размеров кухонного стола. И торты, надо признать, получились на славу! Для скромного двухтысячного года это было неоспоримым шедевром кулинарии. Свечи в итоге тоже нашлись — Вика откопала их где-то в глубоких закромах кухонных шкафов. И плевать, что они уже явно повидали чей-то чужой день рождения и были слегка оплывшими. Главное — там еще оставался фитиль, а значит, было чему гореть.

Девчонки пребывали в полнейшем восторге. И от трех получившихся красавцев-тортов, и от самих себя, и от своей грандиозной идеи. Они были свято уверены: этот план просто обязан выстрелить. Он привлечет к ним все взгляды, как минимум произведет сокрушительное впечатление на публику, а как максимум — навсегда увековечит их имена в летописи родного турклуба.

И вот, наконец, все приготовления были завершены. Наш «парадный вынос» тортов из Викиной квартиры со стороны выглядел так, словно из подъезда выносят три дорогих каравая для встречи нашего российского президента. Не хватало разве что расстеленной на ступенях красной ковровой дорожки и национальных костюмов с русыми косами в пояс.

Это была по-настоящему торжественная процессия. Мы почти бежали по лестничным пролетам, вжав головы в плечи и дико боясь совершить одно неловкое движение и уронить всю эту хрупкую красоту. Высыпав на улицу, наша четверка бодро выдвинулась в сторону Дома Пионеров, бережно и трепетно неся в руках свои «три сокровища».

Я шагала рядом с девчонками, честно помогая бережно нести это сладкое «оружие массового поражения». Но внутри меня в тот момент звучала совсем другая мелодия. А может, и не мелодия вовсе, а странное, глухое предчувствие, название которому я еще не знала. Моему новому талисману — белому костяному коню — не нужны были ни кремовые украшения, ни именинные свечи. Он просто тихо грел мне

ладонь каждый раз, когда я опускала руку в карман.

Мы с Викой жили в одном доме, только в разных подъездах. У меня была возможность заскочить к себе и переодеться, но я не стала этого делать. Как пришла с работы в строгой «учительской» одежде — белой водолазке, строгих брюках и жилетке, — так и отправилась на юбилей клуба. В глубине души я была абсолютно уверена, что главной звездой этого вечера мне точно не быть, так зачем наряжаться?

Конечно, это был крайне опрометчивый и поспешный вывод. Потом еще несколько лет из всего того грандиозного юбилея одноклубники с хохотом вспоминали в основном только одно: как феерично я умудрилась опростоволоситься.

Глава 2

Наш турклуб «Викинг» базировался в здании Дома Пионеров — по дивногорским меркам, относительно недавно построенном. У клуба там был светлый, просторный кабинет с тремя огромными окнами и, что самое главное для туристов, внушительная кладовка, забитая снаряжением. Все стены нашего кабинета были живой историей: их плотно украшали топографические карты, яркие вымпелы из разных городов и слётов, пожелтевшие грамоты и сотни фотографий, с которых улыбались обветренные, счастливые лица.

По случаю праздника столы в кабинете сдвинули в одну гигантскую букву «П». Стулья стаскивали со всего этажа, экспроприируя их из соседних кабинетов, потому что народу набилось невероятно много. Здесь собралось сразу несколько поколений «викингов». Старшие, солидные члены клуба пришли уже со своими детьми, а совсем юные новички жались по углам.

Столы буквально ломились от нехитрого клубного угощения: горы конфет, печенье, вафли. В столовских граненых стаканах дымился крепкий чай. И — законное правило «Викинга» — никакого алкоголя. Атмосфера и без него была празднична до предела.

Такие клубные праздники всегда были особенными — именно на них чаще всего зарождались новые пары. Сцена-

рий из года в год повторялся: парни по осени возвращались со службы возмужавшими и строгими, а здесь их встречали вчерашние девчонки-подростки, которые за время их армейской службы успели расцвести и превратиться в настоящих девиц, невест. И главное — сегодня они были не в привычной штурмовке или заляпанной грязью спортивной форме, не с тяжелыми рюкзаками за спиной, а в летящих платьях, юбках и с прическами. Для истосковавшихся по дому и женскому теплу парней это создавало сокрушительный вау-эффект.

Оставив верхнюю одежду в гардеробе, наша четверка с тремя тортами наперевес торжественно поднялась на второй этаж. Уже на лестничном пролете нас накрыло волной звуков: из-за приоткрытой двери «Викинга» доносились дружный гул голосов, раскатистый смех и перебор струн. В то время у нас в клубе на гитаре играл чуть ли не каждый второй, так что без музыки не обходилась ни одна встреча. Сквозь общий шум долетали обрывки фраз — кажется, кто-то бурно обсуждал скорый просмотр походных слайдов на стареньком диапроекторе.

Возле двери девчонки затормозили. В их головах мгновенно созрел план по захвату всеобщего внимания. Было решено устроить настоящее шоу: зажечь свечи прямо здесь, в полумраке коридора, а в кабинет внести их в полной темноте — для пущего, сногсшибательного эффекта. А после, под грохот аплодисментов, поднести торты к Тимохе — нашему

бессменному руководителю и мудрому туристскому вождю, — чтобы он задул огни и непременно загадал главное желание для всего «Викинга».

На том и порешили. Роли распределились мгновенно. Самую незаметную миссию — проскользнуть внутрь и в нужный момент вырубить в кабинете свет — девчонки безоговорочно доверили мне. Сами же они, дождавшись темноты и подпалив видавшие виды фитили, должны были одна за другой, как три прекрасные грации, плавно вплыть в притихший зал со своими сладкими шедеврами.

Я положила ладонь на дверную ручку. Сердце почему-то екнуло, а костяной конь в кармане брюк, казалось, стал еще теплее. Операция по обналичиванию тортов началась.

И вот, в самый разгар шумного празднества, я решительно открываю дверь кабинета и вхожу. Дверной проем располагался прямо напротив массивных столов, сдвинутых буквой «П». Кто-то из одноклубников успел бросить на меня мимолетный взгляд, кто-то не обратил внимания, но я уже уверенно потянулась рукой по стене в поисках заветной кнопки. Щелчок — и я нажала на выключатель.

Вместе с мгновенно обрушевшейся темнотой в воздухе повисла звенящая, абсолютная тишина. И я… в одночасье стала единоличной хозяйкой этой тьмы. Замерев у двери, спиной почувствовала, как на меня уставились десятки пар ничего не понимающих глаз. Одноклубники смотрели в мою сторону и, казалось, даже перестали дышать.

В кабинет проникал лишь слабый, призрачный свет от уличных фонарей, который едва-едва очерчивал контуры столов и силуэты людей. За тремя огромными окнами кабинета крупными, ленивыми хлопьями валил густой простоквашинский снег.

Я стояла в этой кромешной темноте, а девчонки были в коридоре все никак не заходили. Время стало словно резиновое — растянулось и замерло. В наступившей гробовой тишине было отчетливо, до безумия громко слышно, как мерно тикают настенные часы и как кто-то из парней на другом конце стола шумно, растерянно выдохнул. Театральная пауза по Станиславскому не просто затянулась — она начала откровенно трещать по швам.

Наконец, Тимофей не выдержал. На правах туристского вождя он громко, на весь кабинет, крикнул мне: — Юлька, ну ты чего?! Свет включай, пошутила и будет! Тут же дети маленькие, напугаешь еще!

Детей, к слову, отсутствие освещения вообще нисколько не заботило — они сидели тише воды, ниже травы, завороженные внезапной переменой декораций. А вот я в этот момент была готова провалиться сквозь землю.

Сгорая от дикого стыда и чувствуя, как краска заливает лицо, я наполовину высунулась в освещенный коридор и отчаянно, на пределе связок, зашептала девчонкам: — Ну, вы чего там застряли?! Меня сейчас тут помидорами закидают! Быстрее!

И что же я увидела?! В полумраке коридора разворачивалась настоящая кулинарно-техническая драма. У моих девчонок намертво отказывались загораться эти злополучные свечи. Из темноты доносилось паническое чирканье спичек. Ж. на заднем плане что-то яростно и очень кагтаво прошипела про «эти чогтовы зажигалки!». Но всё было тщетно. То ли походные спички отсырели, то ли зажигалки предательски не искрили, то ли само провидение в этот вечер решило так изощренно сакцентировать внимание одного конкретного человека на моей персоне, то ли все вместе взятое…

Народное недовольство в кабинете тем временем нарастало — из разных концов стола уже доносилось вполне отчетливое и бурное ворчание возмущенных «викингов». Я покраснела даже под волосами на голове. Зажмурившись, только исступленно шептала в темноту: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…» — умоляя какую-то неведомую силу поскорее зажечь эти свечи, будь они неладны.

Это было мое минус первое мучительное ожидание в жизни. Сколько секунд или вечностей я так простояла у выключателя, прежде чем первая свеча все-таки мигнула в проеме двери…

И, о чудо! Они зажглись. Девчонки стали вплывать с тортами в кабинет. Свет от тех самых свечек на тортах заиграл в моих медных волосах, когда они, наконец, вошли в кабинет. Медь моих волос вспыхнула, я увидела себя в отражении окон как живой огонь. Запах серы от спичек, смешавшийся с

запахами тортов, добавил этой сцене остроты. Несколько поколений людей выдохнули с облегчением, почувствовав развязку затянувшейся «темной» паузы. Девчонки мои словно вошли не в комнату, а на стадион смыслов. Весь «Викинг» был в сборе, и эти три торта были словно подношение богам этого места, не меньше. Народное ворчание сменилось народным ликованием. Хлеба и зрелищ – эта формула работала и продолжает работать. Зрелищем здесь, конечно, была я.

Тимоха, зажмурившись, загадал свое вождистское походное желание и одним мощным выдохом задул все свечи. Кабинет погрузился в секундный сумрак, и я тут же щелкнула выключателем.

Яркий, резкий свет люминесцентных ламп мгновенно залил праздничное помещение, заставив всех зажмуриться. Напряжение тьмы, державшее меня в тисках все эти долгие секунды, наконец-то мягко отпустило. Кабинет тут же взорвался многоголосым шумом. Мои подруги, сияя от успеха, принялись увлеченно нарезать торты. Они весело ворковали, как весенние птицы, раскладывали щедрые куски в протянутые детьми тарелки и наперебой, со смехом, рассказывали всем вокруг про эти злополучные, упрямые свечи, которые никак не хотели загораться в коридоре.

Когда вспыхнул свет, я сознательно не стала искать Древа глазами. Более того, я всеми силами заставляла себя смотреть куда угодно, только не в его сторону. Внутри жил глупый, панический минус первый страх: мне казалось, что ес-

ли наши взгляды сейчас пересекутся, я просто не выдержу этого странного, гипнотического давления и покраснею еще сильнее.

Оторвавшись, наконец, от выключателя, у которого я стояла как пригнанная к позорному столбу, я попыталась незаметно, тенью проскользнуть к самому краю стола, где пустовал один-единственный стул. И только устроившись там, я позволила себе осторожно обвести взглядом всю честнУю компанию.

В этой предпраздничной суматохе, среди мелькания тарелок, детского смеха и порхающих подруг, Он был единственным абсолютно статичным объектом. Казалось, что он – ось, вокруг которой все и вертится, как будто он просто сел на диван, а вокруг него построили Дом Пионеров.

Сидя на самых задворках буквы «П», я отчаянно пыталась казаться невидимой и держаться как можно дальше от центра событий. Передо мной исходил паром обычный граненый стакан с крепким чаем. Я опустила голову и принялась разглядывать плавающие на дне чаинки. Смотрела на них так пристально, упрямо и долго, словно в этих маленьких черных листочках была зашифрована вся моя будущая жизнь. И, кажется, первый ее код должен был сработать прямо сейчас.

Вокруг меня продолжалась жизнь, и кто-то из молодых, ещё не собирающихся в армию мальчишек-новичков даже пытался со мной заигрывать. Разумеется, темой для их

неловких шуток стал всё тот же злополучный выключатель, что смущало меня ещё сильнее.

— Юль, ты теперь у нас официальная повелительница тьмы? — ухмылялся один. — В следующий раз ты хоть предупреждай, а то мы от неожиданности чуть чаем не подавились! — вторил ему другой.

Они зубоскалили, а я лишь натянуто улыбалась. Тогда я ещё не знала, что этот дурацкий эпизод станет клубной притчей во языцех. Еще несколько лет потом, на подобных встречах «викингов» из всего юбилея будут со смехом вспоминать только то, как Юлька зашла и без предупреждения вырубила свет. А грандиозные, выстраданные девчонками торты как-то сами собой сотрутся из людской памяти. Много позже Ж. с присущей ей иронией скажет мне: «Знаешь, Юлька, если бы я знала, какой сногсшибательный эффект пгоизведет это выключение света, я бы бгосила этот тогт и сама пошла к этому выключателю!»

Но в тот вечер в Доме Пионеров мне было не до смеха. Я так ни разу и не решилась поднять голову и посмотреть в центр стола, боясь случайно столкнуться с Ним взглядами. Я бы просто не выдержала этого прямого, непоколебимого взора.

Поэтому я продолжала сидеть на самом краю, укутавшись в глупые шуточки мальчишек, как в спасительную шумовую завесу. Я пряталась за звенящим гулом чужих голосов, пока всего в нескольких метрах от меня, на старом клубном ди-

ване, тихо сидел человек, которому суждено было стать источником моей будущей самой большой боли. И моей самой большой любви.

Глава 3

Я физически не видела Его. Но кожей, каким-то обостренным затылочным чутьем знала с абсолютной точностью: Он сидит там, на диване, всего в нескольких метрах от меня. Это было пугающе похоже на присутствие космического, невероятно массивного объекта, который одним своим существованием незаметно меняет гравитацию во всей комнате. Мой спасительный талисман — костяной белый конь — остался в кармане шубы там, внизу, в темном гардеробе Дома Пионеров. Мне физически не за что было держаться, чтобы сохранить равновесие. Оставался только этот несчастный граненый стакан с остывающим чаем, в который я вцепилась мертвой хваткой.

А вокруг жизнь била ключом. Мальчишки-первогодки, раззадоренные всеобщим весельем, продолжали вовсю подкалывать меня из-за злополучного инцидента со светом: — Юлька, ну ты даешь! Чуть всех до инфаркта своей темнотой не довела!

Я смиренно смеялась невпопад, на автомате отшучивалась, снова и снова густо краснея под своими медными волосами. Но внутри меня в этот момент царила звенящая пустота – словно предчувствие. Мне было абсолютно всё равно, кто и как на меня смотрит. Я просто физически находилась там, рядом с суетящимися подругами, и изо всех сил

старалась просто… дышать. Обычное дело — вдох и выдох, но давалось оно с трудом.

Я отчаянно пыталась не обращать внимания на посыпавшиеся со всех сторон подколы больших и малых «викингов» про сломанный выключатель, про темноту — извечного друга молодежи, и двусмысленные шуточки в духе «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, почему нет света»… В общем и целом, тема выключателя разгонялась на полную мощность, обрастая новыми подробностями.

Я, конечно, пыталась успокоить себя мыслью, что рано или поздно в клубе случится что-то еще, какое-нибудь новое масштабное ЧП, и про мой позор наконец-то забудут. Но в тот тягучий осенний вечер главный вопрос был в другом — когда именно наступит это спасительное «призывное» будущее?

Вскоре на одной из стен кабинета — то ли справа, то ли слева — натянули белую простыню. Шум поутих, в комнате снова погасили свет, и под мерный, знакомый щелчок запустился диапроектор. Настоящая темнота вернулась, но теперь она уже никого не пугала.

Темнота, луч диапроектора, пылинки, пляшущие в свете его луча, и на простыне — застывшие мгновения прошлых походов были идеальной метафорой: жизнь прокручивается кадрами. Я сидела, пила чай с печеньками. Смотрела старые фото, кого-то узнавала, кого-то нет. Торты, кстати, быстро съели, и быстро забыли. Мне не досталось и кусочка, но это

и не важно.

Рядом со мной сидел какой-то юный мальчишка. Сейчас, сквозь годы, я уже точно и не вспомню, пытался ли он тогда за мной ухаживать… В принципе, какие-то знаки внимания от парней клуба я периодически получала, но внутри меня жила глухая, железобетонная неуверенность в себе. Слова мамы и бабушки, советовавших мне «пореже смотреться в зеркало, чтобы не расстраиваться», проросли во мне слишком глубоко. А может, те парни были еще слишком молоды и глупы, чтобы проявить правильный, мужской напор. А может — просто не пришло еще мое время.

Стрелки часов неумолимо близились к девяти вечера. Юбилей постепенно подходил к концу. Семейные «викинги» стали собираться и увозить притихших детей по домам, а оставшаяся молодежь шумно кучковалась, разбиваясь на компании по интересам и направлениям своих адресов. Да и сам Дом Пионеров пора было освобождать — в коридоре уже нетерпеливо гремел ключами ночной сторож, намекая, что праздник окончен.

Из полумрака ко мне вынырнула Люська. Глаза ее блестели. Она наклонилась ко мне и заговорщически прошептала, что они — она, Вика и Ж. — собираются продолжить вечер с Древом и с П.Д. (младшим братом друга Древа, погибшего летом под лавиной) хотят пойти на Слаломную гору. То ли прогуляться, то ли продолжить общение, то ли пиво попить.

— Да я, наверное, домой пойду… — тихо ответила я, хотя

на самом деле возвращаться в отчий дом мне хотелось меньше всего на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.